

Литературная газета

№ 35 (526)

С-162739

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Понедельник, 24 июня 1935 г.

Salut cordial au grand humaniste Romain Rolland

Сердечный привет великому гуманисту Ромэн Роллану

За культуру социализма

РОМЭН РОЛЛАН

Уже первые вести о работе парижского конгресса защиты культуры свидетельствуют, что конгресс оправдывает свое боевое наименование, что он становится вынужденной, имеющей мировое значение демонстрацией против фашистской реакции.

Аудитория конгресса, разумеется, не ограничивается теми толпами студентов и рабочих, педагогов и инженеров, писателей и артистов, которых наполнил зал Дворца Всемирного. Аудитория конгресса значительна, но шире. К нему прислушиваются все, где только живет и бьется человеческая работа о будущем человечества, искренне возмущенные страшными народами, настороженные отвращение к фашистскому мракобесию. И можно быть уверенным, что слова, которые произнесут на конгрессе, не останутся только словами, а претворятся в живое дело обличения и мобилизации всех лучших сил мировой интеллигенции на борьбу против угрозы физического и духовного вырождения, которую несет человечеству фашизм.

Конгресс как бы подводит в концептуированном виде итог тому долгому пути от пассивного непротиводействия к активной борьбе в рядах профсоюзов, который прошли многие лучшие умы человечества, и который так глубоко, и искренне описан в «Дневнике» Ромэн Роллана.

Ромэн Роллан сейчас — гость Советского союза. На склоне лет этот большой писатель и полный гуманист приехал к нам, чтобы увидеть в живой жизни то, к чему он привил мысль, чувство и пером в результате десятилетий борьбы за счастье и свободу человечества. Он увидит людей Советской страны, которым веяли радости прекрасного творческого труда, преобразующего всю жизнь; он увидит наших детей — молодую поросль будущего коммунистического общества, расцветающую под солнцем советского строя; он услышит, как в советской литературе клюют кипят молодые силы гигантов, растущих из недр многих десятков народов, братски обединенных в великом Союзе советских республик; он пожмет руку Алексею Максимовичу Горькому, в котором сконцентрировано величие этого искусства, которое служит пролетариату, осуществляющему социалистический строй полной человеческой свободы.

Эта уверенность звучит в речах участников конгресса, хотя звучит у различных ораторов по-разному: здесь значительный диапазон мыслей и возврений, настроений и темпераментов — от беспощадной, разящей убежденности Андре Жиля и памятной взрывной язвительности Жана Генино до спокойной язвительности Форстера и академического скептицизма Жюльена Бенда.

Эта «пестрота», отражающая всю сложность и многогранность внутренних идеологических процессов, протекающих в среде интеллигентии, позволяет, тем не менее, выделить одно основное чувство, объединяющее всех участников конгресса — чувство самой острой тревоги за судьбу культурных ценностей, созданных трудом и гением поколений, чувство необходимости и неизбежности антифашистской борьбы против тех, кто вынес смертный приговор культуре.

Атмосфера исключительной дружеской теплоты, которой окружена на конгрессе советская делегация, напряженное внимание, с которым слушают заряженные речи тт. Лупулла, Панфирова, Колькова, Зрембуга, свидетельствуют о том, что внутренняя принципиальная единодушность всего конгресса находится свое наиболее концептуированное выражение в отношении делегатов к Советской стране, как к исторической наследнице всего лучшего, что дано многовековым развитием человеческой культуры. Эта идея прозвучала в речах Генино, Жана-Ришара Блока, Андерсена-Нексе, она

Варшава — Москва

Ромэн Роллану не придется сорвать Советскую страну.

Он великолепно подготовлен к встрече с ней, — заявил в беседе с сотрудниками «Литературной газеты» председатель ВОСК т. А. Аросев.

Встречавший великого французского писателя в Варшаве, — Ромэн Роллан курсивно решил всего, что у нас происходит. Нет более энтузиастического и жажденного читателя нашей прессы, нашей литературы, чем этот яркий, яркий человек. Его глубоко интересует, как личное, кровное дело, всякая, даже мельчайшая деталь нашей жизни. Отлично умеет через эти детали проникнуть в целое, восстанавливать весь особенный, неповторимый стиль советской действительности.

— Как видите, — возвращаясь тов.

Аросев к мысли, высказанной им в начале беседы, — наш великий друг не едет в «неизвестность». Но именно потому, что он знает нашу страну, именно потому, что с ней он связывает лучшие належды человечества,

он очищает глубочайшую потребность побывать в ней, подышать ее воздухом, воочию увидеть все, о чем он имеет яркое представление по другим источникам.

Ромэн Роллан давно мечтал об этом путешествии, но ему сильно мешало состояние здоровья. Сейчас врачи разрешили ему оставить Вильнюс, учтивая, что июнь и июль являются самым благоприятным временем для его поездки в СССР.

В Нью-Йорке Ромэн Роллан приветовал т. Крючкова от имени человека, с которым французского писателя связывают десятилетия самой нежной дружбы, — от имени Максима Горького. Горячими овациями был встречен Роллан в Москве.

В Москве Ромэн Роллан ознакомился с самыми различными областями советского строительства и творчества.

Огромный интерес, в частности, проявляет наша гость к советской музыке,

в которой, по его мнению, недвусмысленно выражено наше наименование.

Ближайшие дни предполагается встреча Ромэн Роллана с советскими журналистами.

Встреча Ромэн Роллана на Белорусском вокзале. Крайний справа — Ромэн Роллан, рядом — его жена, т. Аросев, т. Третьяков.

будет безусловно звучать и в выступлениях других членов конгресса. Живой советский опыт основания культурного наследия прошлого по замыслу Ленина, построения культуры «национальной по форме, социалистической по содержанию» по идее Стalin'a — встанет перед конгрессом, как идейная платформа, которая должна обединить всех, кто на деле хочет бороться против фашистской «науки о враждебности рас и культур», против фашистской практики, насаждающей «культуру фальшивой тупости и презрения к человеческой работе о будущем человечества, искренне возмущенные страшными народами, настороженные отвращение к фашистскому мракобесию. И можно быть уверенным, что слова, которые произнесут на конгрессе, не останутся только словами, а претворятся в живое дело обличения и мобилизации всех лучших сил мировой интеллигенции на борьбу против угрозы физического и духовного вырождения, которую несет человечеству фашизм.

Конгресс как бы подводит в концептуированном виде итог тому долгому пути от пассивного непротиводействия к активной борьбе в рядах профсоюзов, который прошли многие лучшие умы человечества, и который так глубоко, и искренне описан в «Дневнике» Ромэн Роллана.

Ромэн Роллан сейчас — гость Советского союза. На склоне лет этот большой писатель и полный гуманист приехал к нам, чтобы увидеть в живой жизни то, к чему он привил мысль, чувство и пером в результате десятилетий борьбы за счастье и свободу человечества. Он увидит людей Советской страны, которым веяли радости прекрасного творческого труда, преобразующего всю жизнь; он увидит наших детей — молодую поросль будущего коммунистического общества, расцветающую под солнцем советского строя; он услышит, как в советской литературе клюют кипят молодые силы гигантов, растущих из недр многих десятков народов, братски обединенных в великом Союзе советских республик; он пожмет руку Алексею Максимовичу Горькому, в котором сконцентрировано величие этого искусства, которое служит пролетариату, осуществляющему социалистический строй полной человеческой свободы.

Эта уверенность звучит в речах участников конгресса, хотя звучит у различных ораторов по-разному: здесь значительный диапазон мыслей и возврений, настроений и темпераментов — от беспощадной, разящей убежденности Андре Жиля и памятной взрывной язвительности Жана Генино до спокойной язвительности Форстера и академического скептицизма Жюльена Бенда.

Эта «пестрота», отражающая всю сложность и многогранность внутренних идеологических процессов, протекающих в среде интеллигентии, позволяет, тем не менее, выделить одно основное чувство, объединяющее всех участников конгресса — чувство самой острой тревоги за судьбу культурных ценностей, созданных трудом и гением поколений, чувство необходимости и неизбежности антифашистской борьбы против тех, кто вынес смертный приговор культуре.

Приветствуя в Москве Ромэн Роллана, мы тем самым прятываем перед всеми глазами его соратников, памятные речи которых звучат с трибуны конгресса.

Ромэн Роллан не придется сорвать Советскую страну.

— Он великолепно подготовлен к встрече с ней, — заявил в беседе с сотрудниками «Литературной газеты» председатель ВОСК т. А. Аросев.

Встречавший великого французского писателя в Варшаве, — Ромэн Роллан курсивно решил всего, что у нас происходит. Нет более энтузиастического и жажденного читателя нашей прессы, нашей литературы, чем этот яркий, яркий человек. Его глубоко интересует, как личное, кровное дело, всякая, даже мельчайшая деталь нашей жизни. Отлично умеет через эти детали проникнуть в целое, восстанавливать весь особенный, неповторимый стиль советской действительности.

— Как видите, — возвращаясь тов.

Аросев к мысли, высказанной им в начале беседы, — наш великий друг не едет в «неизвестность». Но именно

потому, что он знает нашу страну, именно потому, что с ней он связывает лучшие належды человечества,

он очищает глубочайшую потребность побывать в ней, подышать ее

воздухом, воочию увидеть все, о чем он имеет яркое представление по другим источникам.

Ромэн Роллан давно мечтал об этом путешествии, но ему сильно

мешало состояние здоровья. Сейчас

врачи разрешили ему оставить Вильнюс,

учтивая, что июнь и июль являются

самым благоприятным временем для

его поездки в СССР.

В Нью-Йорке Ромэн Роллан приветовал т. Крючкова от имени

человека, с которым французского

писателя связывают десятилетия

самой нежной дружбы, — от имени

Максима Горького. Горячими овациями

был встречен Роллан в Москве.

В Москве Ромэн Роллан ознакомился

с самыми различными областями

советского строительства и творчества.

Огромный интерес, в частности, проявляет наша гость к советской музыке,

в которой, по его мнению, недвусмысленно выражено наше наименование.

Ближайшие дни предполагается

встреча Ромэн Роллана с советскими

журналистами.

А в 1935 г. он уже говорит об

организованной борьбе против

фашистского варварства и

фашистской культуры.

В 1919 г., в том же письме к Бер-

нарту Шоу, отказавшись санкционировать будущую войну, он выывает, но беспомощно заявляет: «Вы мне скажете, что она (война) обходится и без нашего разрешения. Пусть. Но разрешения этого она все-таки не получит». Этот решительный, безусловный, безоговорочный отказ принять войну, эта непримиримость и страсть к войне, эта непримиримость проходит красной линией через всю литературную и общественную деятельность Ромена Роллана, начиная с 1914 г.

Пацифист, он настойчиво и неутомимо искал средства для предотвращения войны. И, когда он это средство нашел в боевой организации и мобилизации масс, он отказался от непримиримости.

Гуманист, он всю жизнь искал обетованного народа свободной мысли. И когда он увидел, что легализация культуры и мысли капиталистических стран, провозглашенных «независимостью» и чистоту «духовности» мысли, противостоят расцвету свободной, подлинной человеческой культуры страны, открыто поставившей мысль на службу практике, на службу строительства нового общества, — он, не задумываясь, признал Советскую страну маяком человечества, а путь избранный Советским союзом, единственным, обеспечивающим человеческому обществу жизнь и прогресс.

Ромэн Роллан почти 70 лет от роду

принесла ему счастье и возможность посмотреть на будущее человека.

Сегодня этот друг мира и прогресса, друг труда и пролетариата, друг нашей страны, —

установил, что для него самое главное — это видеть, что мысль — действие и что «мысль, целью которого не является выявление

измены и изменения».

Все же можно с уверенностью сказать, что для конгресса мысль — это

установка, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к будущему, что для конгресса мысль — это

стремление к

ПЕСНИ, КОТОРЫЕ ПОБЕДИЛИ

Следует ли извлекать из пожелтевших за пятнадцать лет комплектов армейских и фронтовых газет незримые вирши бойцов, командиров и политработников?

Ответом: следует. Работа, предложенная тт. Кашеваровым и Богословским, приобретает новогоднее значение.

Появление такого сборника — факт сам по себе замечательный. Не заряженность революции, когда вся республика была окраинена гражданской войной, стихи эти — незримые — свидетельствуют, что уже тогда бесстрашные поэты-бойцы «прививали к щиту перво».

В этой юношеской и ялюпово-изданной книге есть раздел, в котором собраны стихотворения красноармейцев о роли поэзии в борьбе за советскую власть.

С. Поболотин напечатал в «Окопной правде» — газете 26-й дивизии — стихотворение: «От поэта-самоучки фронтовика», в котором обращается к своим товарищам:

Читатель!
Я не большой поэт-мечтатель,
Пишу куплеты пулепетом,
Я — вдохновитель красных ротам,
Когда веду их в грязный бой.

Я — комиссар и чистый герой.
Другой участник борьбы в газете «Красный Урал» № 7 от 16 мая 1919 г. пишет:

Не нравится песня, мы видим,
мы знаем,
да мы не для всех и поэм.

Направленность, связанные злоба-дневие, выражение предельной ненависти к врагам, огромное чувство единства насеялись в каждом стихотворении.

Сознание, что «тихий нескладный плач, как проза, не мешает бойцам писать о самом важном, существенном в те горячие и решительные дни защиты республики. Потребность в песне, в поэтическом произведении была велика. И в помощь Демячуку Бедному, «Окнам Ростка» Владимира Малковского стихийно возникла красноармейская, фронтовая поэзия. Ни о каком массовом литературном движении тогда не могло быть и речи, но если сравнить этот сборник с произведениями красноармейских литераторов, то, несмотря на более высокую культуру последних, можно прощупать линии, перпендикулярные «превратности» поэтов гражданской войны с поэтами Красной армии тех самых дней.

В чем выражается эта связь? В боевой традиции, в воспевании стойкости, прославлении железной крас-

тины, в поэзии периода гражданской войны на Урале. Составили М. С. Кашеваров и К. В. Богословский. Свердловское государственное издательство, 1935. Тир. 10.000. Стр. 198. Ц. 2 руб.

коармейской дисциплины, в напоминании стихами о долге и обязанностях перед своей родиной. Мотивы на первый взгляд могут показаться «сухими, недомотивными». Но это не так. В Красной армии, особенно в первые годы ее становления, мутные побеги не могли не всплыть, не заметить напряженной и огромной работы партии по воспитанию регулярных (не только по своему внешнему и внутреннему признакам) части Красной армии. Это была центральная политическая задача времени.

Вот почему в сборнике «Песни бойцов стихотворения, посвященные борьбе с диктатурой, с разрывом в собственных рядах, занимают заслуженно большое место.

Автор Е. Н. пишет: «Если нехватит патронов, если согнуты нитки, будем душить французов пальцами голов руки» («Красный набат» № 90, от 27 апреля 1919 г.).

Поэты неустанно призывают народ, напоминая стихами своих товарищей в беспощадную борьбу с адмиралом Колчаком. Красноармейцы Ф. Я. Михеев в своем стихотворении «Судьба» (любопытно само название), помещенном в газете «Красный набат», № 73 от 6 апреля 1919 г., пишет:

Ты, холопский сын Николки, адмирал,
Ты, как заяц косоглазый, побежал.
Но куда Колчак, торопишься,
Спешишь?

Все равно от красных ты
не убежишь.

Все равно тебе на троне ни сидеть,
Выручать рабочих.
Пусть трещет адмирал,
Выкатишь очи...

Поэты красноармейцы «вирвали» в себе самоотверженность и непоколебимую уверенность страны, армии в победе.

М. Черныш в 16 строках звучащего, как скрываются из фронта, стихотворения сообщает, что «Колчаку не видеть Волги — вязь Бугуруслана». Черныш и его товарищи кажутся недостаточными сухие, птичье скопки, они хотят, чтобы эти факты были преподнесены в патетической звонкой стихотворной оправе. Вот почему на первом сухой опенке сражения можно встретить в газетах «Окопной правды», «Красный набат», «Красноармеец» и др. изданиях текст подобные рифмованые описания сражений и походов. Стихи эти поражают точностью описаний.

Поэты восточного фронта — бойцы, командиры и политработники — прославляют не только морскую коммуну, но только скорбят по поводу зверского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не только приветствуют Венгерскую и Балкарскую советские республики, но яростно развернувшись еле-стекинами, пинкунами и агитаторов буржуазной демократии и учредительного собрания.

«Песни бойцов». Красноармейская поэзия периода гражданской войны на Урале. Составили М. С. Кашеваров и К. В. Богословский. Свердловское государственное издательство, 1935. Тир. 10.000. Стр. 198. Ц. 2 руб.

Все равно от красных ты
не убежишь.

Все равно тебе на троне ни сидеть,
Выручать рабочих.
Пусть трещет адмирал,
Выкатишь очи...

Поэты красноармейцы «вирвали» в себе самоотверженность и непоколебимую уверенность страны, армии в победе.

М. Черныш в 16 строках звучащего, как скрываются из фронта, стихотворения сообщает, что «Колчаку не видеть Волги — вязь Бугуруслана». Черныш и его товарищи кажутся недостаточными сухие, птичье скопки, они хотят, чтобы эти факты были преподнесены в патетической звонкой стихотворной оправе. Вот почему на первом сухой опенке сражения можно встретить в газетах «Окопной правды», «Красный набат», «Красноармеец» и др. изданиях текст подобные рифмованые описания сражений и походов. Стихи эти поражают точностью описаний.

Поэты восточного фронта — бойцы, командиры и политработники — прославляют не только морскую коммуну, но только скорбят по поводу зверского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не только приветствуют Венгерскую и Балкарскую советские республики, но яростно развернувшись еле-стекинами, пинкунами и агитаторов буржуазной демократии и учредительного собрания.

«Песни бойцов». Красноармейская поэзия периода гражданской войны на Урале. Составили М. С. Кашеваров и К. В. Богословский. Свердловское государственное издательство, 1935. Тир. 10.000. Стр. 198. Ц. 2 руб.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

О «Военной тайне» Гайдара

Есть в творчестве Гайдара нечто, что придает его детским книгам жизненную значительность, ту большую серьезность, без которой нет подлинного искусства.

Это может показаться парадоксальным. Ведь у Гайдара многое наивное, порой даже словно культивируемое писателем инфантильности. Иные реалики десятилетних его герояев можно принять пятилетним, а двадцатилетним — десятилетним. В «Военной тайне» восемнадцатилетняя комсомолка Наташа говорит так:

«Ты, дядя, уже стал раза в две в Крыму да сто раз на Кавказе. Ты

и на броненосце ездиш и на аэроплане летал. Я, дядя, однажды твой портрет видела. Ты сочинь, да Бу-день, да еще как-то начальники. А я нигде, ни на чем, никуда и ни разу.

Да, так. И все же гайдаровская наивность не рассказывает гайдаровскую серьезность, она придает ей линии мягкости и теплоты, как бы взвескировывает элементы значительности. И в этом «восп. тайне» Гайдаровского таланта.

Ключ к этой тайне — в революционности Гайдара. Серьезность автора «Военной тайны» — это серьезность писателя, которого вне революции не существовало бы.

Гайдаровской серьезностью пропитаны страницы «Военной тайны». Она вошла в книгу не знакомой по многим произведениям вымученной риторикой, сухой, бесцветной; не в агитационных эпизодах, которые стояли отличия от общей повествовательной ткани, что иногда кажется точно напечатанными другим шрифтом и на другой бумаге; она — в самом строе повести, в ее слове, ритме, музике, она неотделима от вещи, которая — она, эта серьезность, и есть мастерство Гайдара.

«Военная тайна» — повесть о пинкерском лагере в Артеке, детских играх, Крыме, море, лете, виноградниках — детях о радостной детской жизни. Праздники прерываются трагическими событиями. В рабочем расположении лагеря на строительстве водопровода ведется врелительская работа, и случайной жертвой преступников падает общий любимец лагеря, пятилетний Алька.

Сюжет повести не отличается особой изобретательностью. И не в нем живая сила книги. Она заключена в том первом плане, который придает этой детской повести большой важный смысл. Второй план этот — в атмосфере боевой тревоги, внутренней собранности, готовности борьбы и гибели, в ясном осущесии всеми маленькими героями Гайдара целей и смысла этой борьбы — той борьбы, которая разделяет весь мир на две части.

В лагере живут дети, которые вполне може революции. Они не видели ни мировой войны, ни гражданских фронтов, они растут в счастливое время, окруженные вниманием всей страны. Между тем они героя «Военной тайны», вглядывают в глаза.

— Толька, — ссыпал вдруг Владик, как всегда, когда он придушился что-нибудь интересное, глаза его заблестели. — А что. Толька, если бы налетели аэропланы, нальялись танки, орудия, собираясь бы смыться со всего света в разном бы они Красную армию и поставили бы нас по-старому.. Мы бы с тобой тогда как?

— Толька, — ссыпал вдруг Владик, как всегда, когда он придушился что-нибудь интересное, глаза его заблестели. — А что. Толька, если бы налетели аэропланы, нальялись танки, орудия, собираясь бы смыться со всего света в разном бы они Красную армию и поставили бы нас по-старому.. Мы бы с тобой тогда как?

Следует ли извлекать из пятилетней жизни, из детских игр, из лета, из Крыма, из моря, из виноградниках, из лета, из ясного осущесия всеми маленькими героями Гайдара целей и смысла этой борьбы — той борьбы, которая разделяет весь мир на две части.

В лагере живут дети, которые вполне може революции. Они не видели ни мировой войны, ни гражданских фронтов, они растут в счастливое время, окруженные вниманием всей страны. Между тем они героя «Военной тайны», вглядывают в глаза.

— Толька, — ссыпал вдруг Владик, как всегда, когда он придушился что-нибудь интересное, глаза его заблестели. — А что. Толька, если бы налетели аэропланы, нальялись танки, орудия, собираясь бы смыться со всего света в разном бы они Красную армию и поставили бы нас по-старому.. Мы бы с тобой тогда как?

Все равно от красных ты
не убежишь.

Все равно тебе на троне ни сидеть,
Выручать рабочих.
Пусть трещет адмирал,
Выкатишь очи...

Поэты красноармейцы «вирвали» в себе самоотверженность и непоколебимую уверенность страны, армии в победе.

М. Черныш в 16 строках звучащего, как скрываются из фронта, стихотворения сообщает, что «Колчаку не видеть Волги — вязь Бугуруслана». Черныш и его товарищи кажутся недостаточными сухие, птичье скопки, они хотят, чтобы эти факты были преподнесены в патетической звонкой стихотворной оправе. Вот почему на первом сухом опенке сражения можно встретить в газетах «Окопной правды», «Красный набат», «Красноармеец» и др. изданиях текст подобные рифмованые описания сражений и походов. Стихи эти поражают точностью описаний.

Поэты восточного фронта — бойцы, командиры и политработники — прославляют не только морскую коммуну, но только скорбят по поводу зверского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не только приветствуют Венгерскую и Балкарскую советские республики, но яростно развернувшись еле-стекинами, пинкунами и агитаторов буржуазной демократии и учредительного собрания.

«Песни бойцов». Красноармейская поэзия периода гражданской войны на Урале. Составили М. С. Кашеваров и К. В. Богословский. Свердловское государственное издательство, 1935. Тир. 10.000. Стр. 198. Ц. 2 руб.

Все равно от красных ты
не убежишь.

Все равно тебе на троне ни сидеть,
Выручать рабочих.
Пусть трещет адмирал,
Выкатишь очи...

Поэты красноармейцы «вирвали» в себе самоотверженность и непоколебимую уверенность страны, армии в победе.

М. Черныш в 16 строках звучащего, как скрываются из фронта, стихотворения сообщает, что «Колчаку не видеть Волги — вязь Бугуруслана». Черныш и его товарищи кажутся недостаточными сухие, птичье скопки, они хотят, чтобы эти факты были преподнесены в патетической звонкой стихотворной оправе. Вот почему на первом сухом опенке сражения можно встретить в газетах «Окопной правды», «Красный набат», «Красноармеец» и др. изданиях текст подобные рифмованые описания сражений и походов. Стихи эти поражают точностью описаний.

Поэты восточного фронта — бойцы, командиры и политработники — прославляют не только морскую коммуну, но только скорбят по поводу зверского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не только приветствуют Венгерскую и Балкарскую советские республики, но яростно развернувшись еле-стекинами, пинкунами и агитаторов буржуазной демократии и учредительного собрания.

«Песни бойцов». Красноармейская поэзия периода гражданской войны на Урале. Составили М. С. Кашеваров и К. В. Богословский. Свердловское государственное издательство, 1935. Тир. 10.000. Стр. 198. Ц. 2 руб.

Все равно от красных ты
не убежишь.

Все равно тебе на троне ни сидеть,
Выручать рабочих.
Пусть трещет адмирал,
Выкатишь очи...

Поэты красноармейцы «вирвали» в себе самоотверженность и непоколебимую уверенность страны, армии в победе.

М. Черныш в 16 строках звучащего, как скрываются из фронта, стихотворения сообщает, что «Колчаку не видеть Волги — вязь Бугуруслана». Черныш и его товарищи кажутся недостаточными сухие, птичье скопки, они хотят, чтобы эти факты были преподнесены в патетической звонкой стихотворной оправе. Вот почему на первом сухом опенке сражения можно встретить в газетах «Окопной правды», «Красный набат», «Красноармеец» и др. изданиях текст подобные рифмованые описания сражений и походов. Стихи эти поражают точностью описаний.

Поэты восточного фронта — бойцы, командиры и политработники — прославляют не только морскую коммуну, но только скорбят по поводу зверского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не только приветствуют Венгерскую и Балкарскую советские республики, но яростно развернувшись еле-стекинами, пинкунами и агитаторов буржуазной демократии и учредительного собрания.

«Песни бойцов». Красноармейская поэзия периода гражданской войны на Урале. Составили М. С. Кашеваров и К. В. Богословский. Свердловское государственное издательство, 1935. Тир. 10.000. Стр. 198. Ц. 2 руб.

Все равно от красных ты
не убежишь.

Все равно тебе на троне ни сидеть,
Выручать рабочих.
Пу

ДЖУЛЬЕТТА

Ю. Юзовский

Сынен знаменитый бабановский голос. Шумные аллюзии. Джульетта. Она вынырнула с разевающейся воздушно-белой вышивкой в руках, как бы символизирующей ее одухотворенность и невинную юность, ее беззащитность перед грозной жизнью, которая так скоро сомнит ее.

Беззащитность? Здесь, впрочем, требуется оговорка. Она как будто порхает, чуть-чуть касаясь земли. Но это только кажется. Она порхает, но в то же время очень плотно стучит по земле. Очень плотно, иногда даже цепко, — попробуй, сядь... Одухотворенность? Здесь тоже оговорка. Когда кормилица фамильярно хлопает ее щеки, она отбегает с удивительной грацией, она смущена, но в этом смущении — лукавство. Она как бы хочет сказать, что этот честерст земной жест никак не покоряет ее «божественности». Гостюшка Капулетт спрашивает ее, понравился ли ей Пэр. И Джульетта отвечает:

«Взгляну, и как покрасится —
глаза.
Дам волю, но их опущу тотчас,
Как только получу приказ от вас.»

Много здесь лукавства у Бабановой, совершенно бессознательного, впрочем, как бы послушание, и в то же время — непослушание, возможность этого неподсознания. Это натура, которая уже начинает чувствоваться за этими ее словами. Она очень нежна, но сквозь эту нежность она как бы бросает один-другой презрительный взгляд, оценивающий, определяющий. Причем она сама не знает, что она бросает эти взгляи. Это свойство, которое не всегда даже доходит до ее сознания, как некий замысел, как некий умысел. Я имею здесь в виду не только Джульетту, но и, скажем, Анку, Машу, Полину, Колокольчикову. «Мой милый Монтецо, будь верен», — эти слова надо произнести нежно и влюбленно и как бы с некоторым жалобным опасением. Бабанова произносит это и нежно и влюбленно, но в ее интонациях чувствуется, так сказать, кончик указательного пальца, которым она помахивает по альбусу Ромео: «ты смотри у меня». Ромео кланяется в лобки «благословенной луне». И Джульетта прерывает его.

«О, не клянись изменчивой луной,
Что каждый месяц изменяет вид,
Чтобы любовь изменчивой не
стала.»

Эти стихи надо произнести целиком, чтобы лопнул смысл и вызвал соответствующую реакцию у зрителя. Но зрителю надо прерывать Бабанову добродушным, любящим смехом, как только она произносит первое слово «о, не клянись». В этом «не клянись» не только нежность, мольба, но и какая-то милая наивность, грациозное педовольство, онять-таки этот «казательный палец» — «ох, какой ты!»

И это «вместе» — законная и, может быть сказать, шекспировская краска (хотя, конечно, не из одних только этих красок состоят шекспировская Джульетта)ничуть не противоречит «нежному», то и тο другое вполне органично образует «чудесный сплав». Бабановаает поэтический образ влюбленной Джульетты:

«Лай мне Ромео, Если он умрет,
Разрежь его на маленькие звезды,
И станет от него так некого небо, небо,
Что все земли в ночь влюбится!»

Каким-то голубиным, воркующим голосом она говорит «на маленькие звезды», а затем «некою небо», когда у нее сливаются наизнанку слоги этих слов — «не-не», как само посты «ясное» и «тесное», выражение этой жености.

Сцена в саду Капулеттов полна поэзии. Собирает ее Бабанова. Все здесь приготовлено Шекспир для любви, так же, как надрывом вслед приготовлены поэты: весна и ночь, полная аромата, и луна, «твои серебром деревья обливается». Притягивающие, можно сказать, романтические аксессуары, которые даже стали банальными: «луна». Бабановаает поэтический образ влюбленной Джульетты:

«Лай мне Ромео, Если он умрет,
Разрежь его на маленькие звезды,
И станет от него так некого небо, небо,
Что все земли в ночь влюбится!»

Бабанова все это произносит очень просто, нежно, уверенная, что любовь, которая проликовала эти слова, не нуждается в изыщной подчеркнутости. Так же она произносит « мой милый Монтецо» и «да, милый», и «я бы задумалась ласками твоими». Нежность здесь пугает ее драматизмом, а любовь с нотками «практическим».

Но не речи продолжают эти ночь. Скоро наступят утро, и день, полны таких важных событий. Но Бабанова как будто не хотела забыть об этой ночи. Она все время носит в себе воспоминание о ней, словно не хочет спускаться, подниматься тем дальневидным событиям, которые повели Джульетту к более глубокому и серьезному становлению ее образа. Образ уже многое, чем та новинка и простодушная Джульетта, которая стояла в ту ночь на балконе дома Капулеттов.

Среди этих событий произошло очень важное. Событие в жизни Джульетты на ее пути к тому германскому решению, которое звучит в обращении к Лаврентию: «в словах будь краток — умреть хочу». Какие же это события? Джульетта готовится стать жениной. Шекспир отмечает этот факт, прилагает ему, как это во всему видно, особое значение, и думается, что это не слушали. Еще кормилица, собирающаяся привести Ромео, говорит: «Будет время, уж этой ночи понесете бремя, затем знаменитый монолог, в котором Джульетта воспевает эту ночь смело и откровенно, наконец сама рассвет в саду Капулеттов, проносящее в этом памятном прыжке.

Ночь, прият любви взоры

Закрылись, и Ромео трепетал в обятиях моих, никем незримый, Не подсыпанный. Светлое избыточное Любовникам среди восторгов их От блеска собственной красоты...

В этих сценах происходит таинственный, сложный и важный в психике процесс: пробуждение женщины, пробуждение эротического начала, которое все возрастает, усиливаясь, переполняет собой всю девушку и входит до кульминации выраженной в этом памятном прыжке:

Заслуж. артистка М. И. Бабанова.

Джульетта, когда брезжило только «утро любви», только ее еще невинные и робкие намеки, те первые толчки «крови», которая скоро осмелест и, как говорит о себе Джульетта, станет «дикой».

Потому испытываешь большие со- страшнейшие ласковости к ней, чем, там сказать,уважения и почтения к ее горе.

Дальше идут серьезные сцены, где Джульетта сопротивляется просьбам матери и требованиям отца выйти замуж за Париса, где говорит о кормилице: «проклятая старуха, вредный дьявол», где, наконец, направляется к отцу Лаврентию в поисках спасе-ния. Можно сказать, что она ведет себя в этих сценах с неудержимой серьезностью, но именно в том смысле, в каком это говорят о детях. Здесь проявляется и закрепляется ее натура, в которой тверже определяются черты, заметные и раньше — «практическость», и «упорство», и «сторонность», и «специфичность», как образуется характер. Но это характер «маленькой женщины». Но такой характер недостатчен для замысла Шекспира.

Вспомнили монолог Джульетты перед тем, как она пьет свой снотворный напиток. Это сложный текст, тоже расположенный постепенно, как и монолог о любви, заканчивающийся: «приди же же ночь». Здесь эта финальная строка звучит так: «ты за тебя» — это когда Джульетта выпивает напиток и падает без чувств. Этот монолог о тех страшных при-

зраках, которые встречаются ей, если она проснеться в склоне раньше прихода Ромео. Страхи возрастают с каждой строкой. Удача становится все более и более «делающими кровью».

Прочти: это место и вы увидите с каким беспошибом крестено вел здесь Шекспир свой монолог. Затем же он, однако, так жестоко рисует перед Джульеттой все эти страхи? Почему он не показывает ее, не поощряет? Не синхронизует к ее детскому характеру? Поэтому, что он видит перед собой уже не ребенка. Он вырос, этот ребенок, он стал человеком. И Шекспир хочет исполнить ее, насколько она за- служивает его доверия, доверия к ее воле, в силе ее страсти и чувства. Он испытывает ее герояностью. И к концу монолога, как самый страшный образ, выводит перед ней отца Капулеттов, из окна которого спу- скается Ромео, провожаемый Джульеттой. Эртель знает, догадывается, что происходит, видит, что прошла эта ночь, которую называла Джульетта. В театре дана внутренность дома, и там внутри, а не в саду, проходит диалог о «жаждороне», предвестнике утра. Джульетта и Ромео сидят рядом в такой позе, которая рассекает всякие подозрения насчет «ночи». Следовательно, Джульетта как бы имела право не признать «ночи» и говорить о дикой крови, потому что и ночь это не было, и кровь, так сказать, предоставлена быть в ее обычном состоянии. Поэтому монолог этот никак ее не облизывает. Она несомненно в этом монологе и поэтому новища. Оттого в этом монологе пропала «кровь», зато очень выпукло запомнилась:

«Мне кажется, я вижу: дух Тибальда Ромею ищет, что пронзил его Рапиро.

Может быть, Джульетта здесь отступит, не выдержит испытания?

Но нет, она кричит: «Остановись, Тибальд!

И дальше уже последняя строка: «Ромео, я жду. Пью за тебя.

Этим «остановись» она словно бро- сается на встречу Тибальду. Бросает- ся и кидает страшный вызов всем своим страхам: самого смерти.

«Ромео, я жду. Пью за тебя.

Джульетта выдержала испытание. Она действительно оказалась геройной.

Из протянутой руки она вспыхнула «ночь». Следовательно, Джульетта как бы имела право не признать «ночи» и говорить о дикой крови, потому что и ночь это не было, и кровь, так сказать, предоставлена быть в ее обычном состоянии. Поэтому монолог этот никак ее не облизывает. Она несомненно в этом монологе и поэтому новища. Оттого в этом монологе пропала «кровь», зато очень выпукло запомнилась:

«Противный день Как ночь перед праздником

Нетерпеливой девочонке, у которой есть новища, А надевай ее нельзя.

Лукавство с какими сказами эти строки, в сочетании с застенчивой нежностью: «если он умрет — разрежь его на маленькие звезды» — вот бабановская Джульетта в этой сцене.

Как ведет себя здесь Бабанова? Вспомни ее ведет текст красавицей, когда самые страшные вещи кажутся тебе пустяками по сравнению с целью, к которой ты идешь. «Пью за тебя», — это то, которое вскоре перекликается с встретным тостом Ромео — «спасибо за любовь мою», выпивающим яд с такой же самозабвенной решимостью, как сейчас это сделала Джульетта.

Как ведет себя здесь Бабанова? Вспомни ее ведет текст красавицей, когда самые страшные вещи кажутся тебе пустяками по сравнению с целью, к которой ты идешь. «Пью за тебя», — это то, которое вскоре перекликается с встретным тостом Ромео — «спасибо за любовь мою», выпивающим яд с такой же самозабвенной решимостью, как сейчас это сделала Джульетта.

Естественная логика силлогизма — «Тибальд обязан убить Ромео» — не при-

обретает особого рода убедительность как такого рода детская непосредственность, к которой верна только себе. Бабанова это показывает на- чище.

Сынен знаменитый бабановский

голос. Шумные аллюзии.

Закрылись, и Ромео трепетал в обятиях моих, никем незримый, Не подсыпанный. Светлое избыточное Любовникам среди восторгов их От блеска собственной красоты...

В этих сценах происходит таинственный, сложный и важный в психике процесс: пробуждение женщины, пробуждение эротического начала, которое все возрастает, усиливаясь, переполняет собой всю девушку и входит до кульминации выраженной в этом памятном прыжке:

РАЗБОЙНИК КАКО

Отрывок из поэмы

РАЗБОЙНИК КАКО

ЭЙ, парень, друг ты или враг?

БЕГЛЫЙ КРЕСТЬЯНИН

Твой друг. К чему тревога,

шалый?

КАКО

Ну что же, здравствуй, коли так,

Честь окажи и в лес пожалуй.

БЕГЛЫЙ

Аминь. Не ты ли Како-абрек?

КАКО

Ты не ошибся... что угодно?

БЕГЛЫЙ

С тобой оставаться здесь навек,

И умереть и жить свободно.

КАКО

Твоя повадка хороша,

И сам ты нравишься мне, малый.

БЕГЛЫЙ

С душою дружится душа,

С удалым дружится удалый.

Укрущенна, побеждена,

КАКО

Хош-гельды!, брат мой, я богат.

И здесь царю единовластно.

В лесах блуждая наузд,

Браг стережет меня напрасно.

Под каждым деревом мой дом,

В лесу ночью неизменно...

Уюта нет в краю моем,

Но не желано перемены.

И страх и голод испытать,

Как дикий зверь — не знать покоя,

Весь день бродить, а ночью спать;

Держа оружье под рукою, —

Конечно, брат, по временам

Та жизнь и мне надоедает,

И все же счастливы мы там,

Где нас никто не угнетает.

Со мной железные друзья:

Ружье, да шашка с пистолетом.

Им неизменен буду я,

Пока свободен в мире этом.

Укрущенна, побеждена,

Со мной роднилась кобылица.

Опасность видела она

И неспособна устрашиться.

Я жизни доверил ей свою...

Ружье и пощадь — верны оба.

И неизменную семью

Я сохрани с собой до гроба.

Здесь недомоги не берут,

Здесь нет насилия, нет закона.

Како с предателями — крут,

Но прямодушным — оборона.

Слезай, товарищ мой, с коня.

Новые приобретения Пушкинского дома

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). В музее Пушкинского дома Академия наук СССР открыта выставка новых приобретений Института русской литературы. Рукописные экспонаты выставки в ИЧИА Академии наук дают представление о новых архивных находках за 1934 год и за первые месяцы нынешнего года.

Основное ядро рукописного отделения — пушкинский архивный фонд — был пополнен весьма ценных материалами, находившимися в распоряжении П. Е. Шеголова и языковедом органической частью личного архива А. С. Пушкина. Материалы характеризуют литературные отношения интереса поэта к другим мало нового и ценного для его биографии. Среди них имеются: черновое письмо А. С. Пушкина к Д. И. Хвостову, заметки и выписки из «Истории Пугачева», автограф Вольтера, письма Н. Н. Пушкиной, Е. М. Завадовской, графа Риччи и др., подлинная книга библиотеки Пушкина и т. д. Из первоконного архива, соподчиненного пушкинским заповедникам, были изданы и включены в состав пушкинского фонда официальные документы о разрешении крепостным вступать в брак. На документах — подписи А. С. Пушкини, Н. Н. Пушкини, Ганнибала, Осиповых, Вульфов и др. Пополнился пушкинский фонд и отдельными поступлениями, из которых весьма ценные пригласительный билет по поводу помолвки А. С. Пушкини с Н. И. Гончаровой с шуточной надписью поэта и рукопись замечательных «Воспоминаний о Пушкине» П. А. Катенина.

Лермонтовское собрание обогатилось редчайшими печатным оттиском поэмы «Сапсан» с восстановлением (по недоработке до нас рукописи) всех пропусков, сделанных редакцией.

Перед отправкой в новую экспедицию тов. Ушаков принял в Доме писателя попрошаек с журналистами Москвы. Встречный обед, он рассказал о целях экспедиции к восточным широтам Полярного бассейна. — План наступления на Арктику, — сказал Ушаков, — требует от нас умения предвидеть вперед на несколько лет. Мы должны уметь предупреждать ледовую обстановку, которая сложится не только для нынешней, но и для следующих навигаций.

Советская печать давно стала национальной сокиницей завоевателей Севера, писатели и журналисты — неизменными друзьями полярников. Наша страна знает этих отважных бояровара, не раз деливших с нами победы в сурьемых льдах Арктики. Это Биннада Рихтер — участница похода «Литке» к острову Врангеля, Михаил Розенфельд — за заслуги Арктике награжденный орденом, краснознаменец Борис Громов, Леонид Муханов, побывавшие на Земле Франца-Иосифа и на Северной Земле, Макс Энглер, изъединивший и издавший Арктику вдоль и поперек, А. Том, испытавший Чукотку на ледоколах, самолетах и сбывающих упражнениях, сэронин Астраханских рыбных промыслов, сын бедняка-татарина из Тетюшского уезда тов. КАМАЙ ГИЛЬМЫ ХАЙРИВИЧ, пройдя

Г. Ушаков

вой серийной работы (как это уже делает на Диксоне Горбатов), большая литература, чтобы помочь социалистическому строительству Севера.

Выйти в конце вечера писатель Третьяков отметил важность знания встречи пущинских людей с героями своих повестей. Встреча с писателями отважных полярников, — сказал Третьяков, — уже основанный Арктика, показывает нам, писатели и журналисты, как мало еще мы «состоим» полярников и как много должны мы рассказать об их германских буднях и о строительстве социализма на крайнем Севере.

Так прошел этот замечательный вечер, на котором московские журналисты, тепло проникаясь с Ушаковым, обещали не оставаться в долгу перед Арктикой и поклоняться высоконравленной экспедиции «Садко» и ее главному командиру спасательного плавания на полярном кругом — такова задача заструящего для Арктики.

Поэтому Арктика имеет право предложить писателю более высокие требования на современную капитальную литературу. Сотни стенных газет, издающихся сейчас в Арктике, говорят о большом культурном росте края. На Диксоне уже печатаются регулярная многотиражка, и впервые в истории арктических плаваний ледоплавильная многотиражка, и впервые по-

существовании его.

Около миллиона рукописных литературно-исторических документов собран Центральный литературный музей за два года своего существования.

Быть может, совершиенно или малоизвестные, материалы о писателях XIX в. и начала XX в. хранятся в наших отважных полярниках.

Тут знаменитая тетраль Веселожского с пушкинскими автографами, огромнейший Болдинский архив, архив Пушкинских опеки, интереснейшая воспоминания сестры поэта О. С. Павлиновой о детских годах Пушкина. Здесь находятся архивы Бетого, Лескова и др.

Родственники Блоха передали музею более 300 писем Антона Болдина. Музей обладает самым богатым в СССР архивом Юрия Занд. Огромный энтомологический материал собран по Тургеневу и Каразину. Много документов приобретено по Льву Толстому, Салтыкову, Успенскому, Виктору Гюго.

Чрезвычайно интересен издательский план музея. Помимо библиотечной, описывающей поступление в музей материалов, ЦЛМ наметил издание листовок: «Летопись» будет выходить книжками обемом от 35-ти до 40 печатных листов, вестка хорошо иллюстрированными, с факсимильным воспроизведением отдельных текстов, с необычайными сканами комментариями, вводными статьями и алфавитными указателями. В ближайшие годы музея предполагает выпустить 19 томов «Летопись». Первый том «Произведения и переписка А. С. Пушкина», составленный П. С. Поповым, В. Т. Томашевским и М. А. Цвяловским, находится в печати.

Пополнение коллекции в печати также «Переписка композиторов Чайковского, Римского-Корсакова, Глазунова, Балакирева и др.» и 10-я книга «Летопись», в которой содержатся вновь найденные произведения и письма И. Т. Толстого и его корреспондентов. На очереди стоит издание сборников материалов Белинского, Гоголя, Ильинского, Чернышевского, Добролюбова, П. и Г. Успенских, Тургенева, Блоха, Брюсова, Репина, Пинхиса, Антокольского и многих других художников и писателей. Над составлением томов в музее работают 22 научные бригады, в состав которых входят крупнейшие литераторы Москвы. Здесь находятся архивы Бетого, Лескова и др.

Ботратинский Блоха передали музею более 300 писем Антона Болдина. Музей обладает самым богатым в СССР архивом Юрия Занд. Огромный энтомологический материал собран по Тургеневу и Каразину. Много документов приобретено по Льву

Толстому, Салтыкову, Успенскому, Виктору Гюго.

И, действительно — певелики музейные «мортаменты». В большей своей части они тесны и неуютны. Теснота помещений является одним из главнейших тормозов в работе. Она не позволяет музею показывать все собранные богатства, широко развернуть работу с посетителями.

Особенно неустрашивающая жизнью Центрального литературного музея. За два года своего существования Центральный литературный музей три раза менял помещения. Нужно ли расстраиватьесь, как это отражалось на работе. Теперь музею готовится переселиться в четвертый раз. Особняк, занимавший им, не сегодня-завтра станет ломать. Однако, выехав из него,

музейный сектор Наркомпроса, хорошо знающий еще год назад о своем особняке, до его времени не предоставил музею хотя бы сколько-нибудь способное здание.

Секция детских писателей ССРП и Детэс приглашают на 20-летие Октябрьской революции два альманаха (один для старшего и среднего возраста, другой — для малолетнего, дошкольного) творчества народов СССР. В сборниках, кроме лучших произведений советских писателей, будут представлены образы устного народного творчества народов Союза. Работу по отбору для альманахов народных песен и сказаний секции детских писателей проводят совместно с фольклорной секцией ССРП.

Общее руководство взяли на себя А. М. Горький. В состав редакционной коллегии альманаха вошли Н. Семашко, С. Маршак, Н. Сац, С. Заборин (Москва), Л. Касиль (Москва), Колыбель (Оренбург), С. Дурилья — По мастерской Островского (окончания), Н. Норман — Академия театрального зодчества, На сочинения драматургов, Театральный ОСОР.

В номере четвертого иногородского журнала «Игра интересов», «Последняя жертва», «Огненный труп», «Козлоногие хороводы», четвертые портре-

ты, четвертые красочные моно-

граммы по-русски («Театр им. Л. Н. Толстого», «Софийский ТЮЗ»), «Академический Ленинград» и др. зарисовки, портреты в сказках.

Цена номера 6 руб.

Подпись на романе сделает А. П. Севиновский.

Принимаются участие т. Бесселюк, Ермилов, Мирик, Никулин, Никловский, Виниевский, Корабельников, Болотников, Левидов, Павленко, Ясенский, Годолиды, Левиц, Рейзин, Геффенефер, Троценко и актив «Комсомольской правды».

Ход по пригласительным билетам.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ
ПОДПИСКИ на 1935 ГОД

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОГРАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ССР

6 номеров в месяц

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

На-днях появится второй том

собрания сочинений Марселя Пруста, куда войдет роман «Под сенью девушки в цвету» из цикла «В поисках утраченного времени».

Собрание сочинений Пруста, А. В. Луна-цкого, начало выходить в изда-

тельстве «Бремя». Год назад был

выпущен первый том, в который

входит роман «В сторону Свана» (цикл «В поисках за утраченным временем»).

МАССОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Роман О. Бальзака «Шагреневая кожа» выходит в Гослитиздате 50-тистренным тиражом «Демиды» и «Эрмитан». Зоя и сборник избранных писем Б. А. Баранже выходят тиражом 35 000 экз.

Б. Азазан — «На шестидесятой горизонте». Роман в двух частях. Редакция Б. Шкловского, перевод с армянского С. Аязбязяна.

И. Харин — «Стихи». Избранные произведения еврейского поэта И. Харина, впервые в переводе Д. Бродского, О. Колычева и Л. Ниневского.

И. Харин — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта И. Харина, впервые в переводе Д. Бродского, О. Колычева и Л. Ниневского.

БИБЛИОГРАФ

Второй СБОРНИК
ИСТОРИИ МЕТРО

В ближайшее время в издательстве «История фабрик и заводов» выйдет второй сборник истории московского метрополитена им. Л. М. Кагановича — «Как мы строили метро».

В книге помещены рассказы инженеров, архитекторов, инженеров и профессоров работников Метростроя о парижском губернаторе, строительстве и геологии метрополитена в Германии, Франции, Италии, Англии, США и Японии.

И. Киргер — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта И. Киргера, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Соколова. «Литературная обработка

тексты из альбома

«Стихи».

Сборник выходит под редакцией

А. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «Стихи». Избранные

произведения еврейского поэта А. Гарри, впервые в переводе Е. Гарри и А. Зуева.

А. Гарри — «